

ELINA VASILJEVA

ILZE OLEHNOVICA

**Быть или не быть евреем:
гибридная идентичность на примере этнокультурной
ситуации Латгалии позднего советского периода**

**To be or not to be Jewish:
Hybrid identity in the ethnocultural landscape
of late Soviet Latgale**

Abstract. The proposed study is part of a research project devoted to Jewish texts in Latgale (the southeastern part of Latvia) in the 1970s–1990s. The project is based on a field research method involving partially structured interviews. The study of Jewish identity in the late Soviet period is innovative. This article presents a hybrid model of Jewish identity, reconstructed through the segmentation of interview data. The interview questions were designed to reveal clusters of individual memories: the preservation of family traditions, classmates' perceptions of Jews, the influence of literary and cinematic texts, mass culture, and perceptions of Israel. Memories from the 1970s–1980s demonstrate the hybridization of the identity model, shaped by the interplay of public ideology of internationalism, awareness of specific ethnic belonging, and various forms of antisemitism. The 1990s are identified as a turning point, revealing the emergence of a new Jewish identity. The trajectory of Jewish identity undergoes a significant change: rejection gives way to a sense of belonging, yet this awareness manifests in various hybrid forms.

Keywords: identity, memories, soviet, ideology, generation

Elina Vasiljeva, Daugavpils University, Daugavpils – Latvia, elina.vasiljeva@du.lv, <https://orcid.org/0000-0002-5317-9724>

Ilze Olehnovica, Daugavpils University, Daugavpils – Latvia, ilze.olehnovica@du.lv, <https://orcid.org/0000-0001-9954-067X>

Исторический контекст

Исследование еврейской культурной модели в Латгалии представлено в целом ряде исследований. Исторически этот регион Латвии, расположенный

в пограничной зоне, был заселен евреями, которые в разные периоды играли значительную роль в культурной и экономической жизни. История еврейской общины Латвии в целом отличается своей спецификой. Евреи, поселившиеся на территории Латвии, были выходцами из разных регионов Европы. Первые евреи появились на территории Латвии из Пруссии и осели в Курземе в конце XVI века. Они были хорошо образованы и находились под сильным влиянием немецкой культуры. В то же время евреи Латгалии, обосновавшиеся там примерно в середине XVII века, были выходцами из традиционных восточноевропейских еврейских общин. По сравнению с евреями Курземе они были менее секуляризированы и более ориентировались на религиозную традицию (Volkovich 15–18). Особое место в этом контексте занимает Даугавпилс. В различных очерках часто встречается утверждение, что в некоторые периоды евреи составляли большинство населения – до 70%, хотя эти цифры могут различаться. На самом деле наибольший процент еврейского населения был зафиксирован в межвоенный период и составлял около 40%. Тем не менее период конца XIX – начала XX века традиционно определяется в истории города как русско-еврейский, и еврейская составляющая является важным элементом культурного ландшафта. В своей статье *Этюд о Двинске* Федор Федоров третий период в истории города (1772–1920) определяет именно как еврейско-русский (Fedorov 89). Специфика ситуации в советский период (особенно 1970–1980-е годы) изучена недостаточно, хотя именно этот период представляет особый интерес с точки зрения формирования, сохранения и осознания еврейской идентичности. События Холокоста нанесли невосполнимый урон еврейской общине города, став самой трагичной страницей в истории евреев Латвии и Даугавпилса. Тем не менее в 1960–1970-е годы Даугавпилс сохранял черты еврейского города. В общем русскоязычном ландшафте города звучавший идиш был частотным. В городе действовала синагога, посещавшаяся старшим поколением; именно в ней концентрировалась еврейская традиция, насколько это было возможно в советский период. Еврейское население города того времени было разнообразным – этот аспект учитывался в исследовании. Большинство составляли довоенные жители города и их семьи, вернувшиеся после эвакуации.

Появился новый компонент – молодое и среднее поколение, приехавшее работать на открывшиеся заводы, а также семьи из Белоруссии. В этот период увеличилось количество смешанных браков, что свидетельствовало о секуляризации еврейского населения. Активная общественная жизнь (создание еврейской общины как отдельного института) началась в конце 1980-х годов, что способствовало консолидации еврейского населения, хотя и ранее члены общины знали друг друга, по крайней мере представители старшего поколения.

Методология исследования

Эмпирический материал был получен в результате полевых исследований в рамках проекта, посвященного изучению еврейского текста Латгалии. В качестве метода сбора данных использовались частично-структурированные интервью. С методологической точки зрения полевое исследование предполагает погружение исследователя в среду определенной культуры (Burgess). Кроме того, временной контекст полевой работы позволяет исследователю интегрироваться в изучаемую культурную модель, что способствует более глубокому пониманию и интерпретации нарративов. В ряде исследований, посвященных методу устной истории, подчеркивается значимость лингвистического оформления повествования – стилистической артикуляции исторического чего? (Niang).

Фокус-группа информантов состояла из родившихся в Латвии в 1960–1970-х годах, имеющих этнические еврейские корни (еврей или рожденный в смешанном браке). Полевое исследование проводилось в период с 2022 по 2024 год, в ходе него было собрано и расшифровано 39 интервью (21 женщина и 18 мужчин). Интервью проводились на русском языке. Все интервью были анонимными; соответственно, имена участников были закодированы латинскими буквами. В тексте цитаты из структурированных интервью сопровождаются кодовой буквой, временем проведения интервью и обозначением формы личного общения – интервью. В ходе исследования учитывалась специфика работы механизма памяти, которая проявилась в первом же блоке вопросов об отношении к детству и школьным годам. Вопросы интервью были сформулированы таким образом, чтобы выделить группы индивидуальных воспоминаний: отличия еврейской культуры от других культур и сохранение традиций в семье. Процесс интервьюирования был направлен на выявление ключевых понятий, что позволило оценить внутригрупповую идентичность и индивидуальные параметры совпадения или несовпадения идентичности с внутригрупповой моделью. При отборе информантов соблюдался гендерный баланс; участники были выбраны таким образом, чтобы представить разнообразие взглядов на еврейский мир: представители еврейских и смешанных семей, те, кто остался в Латвии, и те, кто эмигрировал в Израиль, а также лица с разной степенью религиозности. Все интервью были проведены по единому, заранее разработанному стандарту с использованием общих методологических и технических принципов. Интервью были сфокусированы на теме еврейской идентичности, тем не менее структура интервью предполагала более широкий контекст воспоминаний.

При транскрибировании (записи) интервью происходила индексация ключевых тем, определенных в самом начале исследования.

Анализ собранных интервью проводился с использованием сочетания тематического анализа, предложенного Вирджинией Браун и Викторией Кларк, и нарративного анализа, описанного Майклом Мюрреем. Тематический анализ позволяет рассматривать весь корпус данных для выявления повторяющихся смысловых паттернов, а также анализировать отдельные аспекты в рамках индивидуального интервью (Braun and Clarke). Такой подход обеспечивает методологическую основу для выделения смысловых элементов и лексических единиц, связанных с моделями идентичности. В структуре вопросника выделены следующие тематические элементы: этническая принадлежность, проявления антисемитизма (с выделением подразделов – школа и улица), учителя евреи, семья, традиция, гастрономический код, праздники, отношение к Израилю. В рамках каждой тематической группы рассматривался содержательный аспект, использование специфической или экспрессивной и оценочной лексики, использование личных местоимений, паравербальные характеристики (Mlynář). Каждое интервью – это законченный текст, в котором в произвольных и непроизвольных формах фиксируется модель осознания идентичности:

Рассказ нарративов тесно связан с формированием и поддержанием личной идентичности. Мы рассказываем истории себе и другим о своей жизни. Таким образом, наша жизнь представляется в нарративной форме (Murray 100).

Респондент в ходе интервью не просто отвечает на поставленные вопросы или излагает события, дает им оценку, а присваивает маркеры, таким образом позиционируя себя с определенной группой. В случае анализа еврейской идентичности позиционирование может быть и в форме приятия (я еврей), и в форме отрицания. Выбор слов, обращений, использование цитатного ряда могут указывать на принадлежность или дистанцированность (Mierop).

Языковая ситуация

Рассмотрение этнической идентичности предполагает включение языкового фактора. Тем не менее еврейская модель идентичности самобытна и в плане языка. Так в целом ряде статей Сара Банин Бенор рассматривает самобытность еврейской языковой картины мира и корректности употребления понятия „еврейский язык” в единственном числе (Benor). Языком восточноевропейской еврейской диаспоры становится идиш. Тем не менее на рубеже XIX–XX веков в Российской империи формируется субэтнос русских евреев, языком которых становится русский (Ūhněva). Ситуация позд-

несоветского периода усложняется общей политикой русификации. Языковая ситуация фокус-группы данного исследования должна быть рассмотрена в контексте взаимоотношения поколений.

Отношение поколений представлено по трехуровневой модели: старшее поколение (бабушки–дедушки), среднее поколение (родители) и младшее поколение (дети). Старшее поколение – это рожденные в 1900–1920-е годы; это поколение, в сознательном возрасте пережившее войну (фронт, эвакуацию); это те, кому удалось избежать ужасов Холокоста, но они потеряли близких родственников; те, кто возвращается после войны на свое старое, но уже другое место; те, кто имел возможность получить образование в рамках еврейской традиции (при этом следует учитывать и процент секулярных евреев). Если говорить именно об уроженцах Латгалии и Даугавпилса, то это те, кто хорошо знает идиш (читает, пишет, говорит) и воспринимает идиш как реальный язык общения. Следует отметить, что данные полевого исследования (интервью поколения детей и в большей мере внуков) позволяют сделать вывод о том, что уровень образования и занятость в определенной сфере влияют на отношение к еврейской традиции, особенно если речь идет о традиции религиозной: высшее и среднее образование, работа в сфере услуг совпадают с умеренно-религиозной трактовкой традиции или (очень редко) отказом от религиозности в целом. В свою очередь начальное образование, занятие ремеслами или ведение хозяйства совпадают с большей религиозностью. Именно представители старшего поколения и становятся хранителями и трансляторами традиции. Старшее поколение оказывается связанным с пространством синагоги. Даже в случае частичной религиозности представители старшего поколения посещают синагогу. Обязательными праздниками становятся Йом Кипур и Песах. И именно старшее поколение становится трансфером еврейской религиозной идентичности в семейное пространство. Старшее поколение сохраняет также нерелигиозный культурный код: гастрономический код, информацию о еврейской культуре и литературе. У старшего поколения возникает и еще одна скрепляющая функция – это знания о государстве Израиль. Старшее поколение следит (насколько это возможно в условиях запрета) за событиями на Ближнем Востоке, в Израиле находятся их родственники или друзья. Со многими из них ведется переписка или от них приходят посылки.

Среднее поколение – это рожденные в 1930–1950-е годы. Некоторые пережили события войны будучи детьми. Большинство из них получает высшее образование (среднее в данной ситуации является обязательным). Их профессия регулируется системой советских запретов. Большинство работает либо в сфере здравоохранения, либо в системе образования, а также занимает руководящие должности. Это поколение получает школьное образование

в условиях тоталитарной системы, распространяющей строжайший запрет на следование религиозному культу и проявление национального интереса. Таким образом, религиозная составляющая их идентичности сводится к минимуму. А определенные профессии и должности однозначно исключают возможность посещения синагоги. Нередкими оказываются и случаи, когда положение или взгляды детей влияют на проявление религиозной идентичности у старшего поколения. Так, многократные посещения синагоги не опозорились, достаточно опасными были открытые контакты с государством Израиль (получение писем и посылок). Среднее поколение частично (иногда полностью) утрачивает идиш: знание языка на уровне понимания, при этом у большинства отсутствует навык чтения и письма. У среднего поколения формируется амбивалентное отношение к Израилю, обусловленное политическим контекстом Советского Союза. С одной стороны, в большинстве случаев (по данным полевого исследования) представители среднего поколения стараются минимизировать разговоры об Израиле внутри семьи. Этому способствует разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны 1967 года (именно среднее поколение переживает это событие в сознательном возрасте). С другой стороны, представители именно этого поколения впоследствии становятся активными участниками алии

Младшее поколение – рожденные в 1960–1980-е годы, чье детство и юность приходится на советское время, и в молодости (окончание школы, университета) часть из них совершает алию, а часть остается в независимой Латвии. Так или иначе, но именно это поколение переживает смену национальной (государственной) принадлежности. Воспитание в советское время и наличие множественных ограничений на проявление этнической принадлежности и национального самосознания накладывает серьезный отпечаток на процесс осмысления этнической идентичности. Следует отметить, что к младшему поколению относятся и рожденные в смешанных браках, что делает процесс осознания идентичности еще более сложным. Собственно, именно это поколение проходит через процесс усвоения когнитивной информации в достаточно сознательном возрасте: что значит быть евреем, что такое еврейские традиции, что такое государство Израиль. На уровне младшего поколения можно проследить процесс утраты идиша: единицы (2 респондента) владеют устным языком. Таким образом, родным (материнским) языком респондентов является русский.

В схожем исследовании, касающемся проблем еврейской идентичности в России, Елена Носенко-Штейн выделяет четыре типа идентичности у потомков из смешанных браков: русская/нееврейская, интернациональная или неэтническая, смешанная или промежуточная и собственно еврей-

ская (Nosenko-Štejn). Ситуация Латвии добавляет латышскую составляющую, и возможен вариант латышско-еврейской идентичности с русским родным языком.

Тематические блоки: элементы идентичности

Поэтическая строка, заявленная в названии статьи, не просто является парафразом знаменитого гамлетовского монолога, это цитата из сценария праздника Пурим в Даугавпилсе 1989 года, который знаменовал собой возрождение еврейской общины города. В 1989 году в Даугавпилсе создается еврейское национальное общество. И помимо реабилитации религиозных ценностей (синагога), происходит реанимация общинных ценностей. Одним из главных пунктов деятельности общины становится организация еврейских праздников. Символично, что первым организованным праздником общины становится Пурим. Воспоминания об этом празднике возникают в нарративах большинства информантов. Для проведения праздника арендуется зал Центрального дома культуры (ныне Центр латышской культуры). Накрываются столы, для чего специально на заказ готовится хоменташ – специальное печенье в форме треугольников, символизирующее победу над злодеем Аманом. Активистом общины Борисом Княжицким ставится пуримшпиль (театрализованное представление), участниками которого становятся члены общины, в основном молодежь. В нашем исследовании принимала участие и исполнительница главной роли Эстер. Общим в нарративах воспоминаний об этом празднике является осознание грандиозности происходящего. Это проявляется и на лексическом уровне (повторяющаяся лексика количества, степени, величины: много, очень, грандиозный, огромный).

Я вдруг поняла, что на самом деле евреев в городе так много. Бабушка уже не могла ходить, но она радовалась, что мы пошли, ждала, расспрашивала, охала, смотрела на этот хоменташ (мы ей в салфетку завернули и принесли) (Е, 2022, интервью).

Само представление мне показалось глупым. Я уже сюжет про Эфирь хорошо знала, а там была попытка что-то осовременить, сделать с юмором, а выглядело убого (помню, тетка какая-то с сетками скакала в спортивном костюме). Но это было неважно. Важно, что в огромном зале полно евреев. А в конце все в большом кругу танцевали. Это было – ах! (В, 2022, интервью).

На формирование, понимание и принятие/отторжение еврейской идентичности влияют две сферы: социальная и личная. Социальная представлена всеми институциями советской идеологии, которая для детей (детство респондентов) сосредоточена в пространстве школы или дошкольных учеб-

ных заведений. Идеология включала два важных для отторжения еврейской идентичности постулата. Первый, официальный, – атеистическая пропаганда и борьба с любыми проявлениями религиозности. Второй, негласный, связан с государственной политикой антисемитизма, которая отлично сосуществовала с провозглашенным властью и коммунистической партией интернационализмом. К этому достаточно амбивалентным образом добавляется антиизраильский аспект внешней политики Советского Союза. Особенности становления еврейской культурной модели в Советском Союзе многопланово рассмотрены в работах Геннадия Эстрайха (EstraiKh). Вопрос осознания и сохранения еврейской идентичности в сложившихся условиях идеологического прессинга переносится в сферу семейных отношений. И собственно, семья становится центром сохранения или изменения еврейской культурной модели. Тем не менее школа в воспоминаниях респондентов занимает первичное положение в характеристиках детства.

Именно детство является вводным тематическим блоком интервью. Собственно, этот блок не связан непосредственно с темой еврейской идентичности, но выполняет функцию естественного стимула обращения к прошлому. Эмоциональное восприятие детства у всех участников интервью абсолютно позитивное, что подтверждается как на лингвистическом, так и на паралингвистическом уровне. Даже в ситуациях, когда детство совпадает с неблагополучной финансовой ситуацией в семье (таких воспоминаний мало, но они есть), детские годы все равно видятся счастливыми с дистанции времени:

[...] к вопросу счастливое ли у меня было детство, думаю, что да (смеется) все-таки было больше счастливых моментов (В, 2022, интервью).

Трудно сказать. Глядя сейчас, кажется, что это было счастливое детство. Была очень трудная ситуация. Продукты, очереди, одежда, обувь (U, 2022, интервью).

Следующей обязательной характеристикой детства в воспоминаниях становится советская идеология с постулатом интернационализма, который в свою очередь ставит под сомнение подчеркивание национальности. Абсолютно во всех интервью при ответе на вопрос: „Обсуждались ли в школе проблемы национальности?“ упоминается слово „интернационализм“ как своего рода смысловой антоним национального. Большинство информантов хорошо помнит тот момент, когда они осознают свою принадлежность к еврейской культуре. И происходит это в рамках детских институций, чаще всего именно в школе.

Классная руководительница в начале учебного года во время классного часа проверяла в журнале биометрические данные по каждому ребенку, каждого называла по имени и фамилии и продиктовывала все данные (имена родителей, адреса, не помню что-то там еще

и [пауза] национальность), вот тогда я и услышала, что я еврей (делает большие глаза). В эту же секунду я ужасно расстроилась, что я не такая как все русские девочки Светы и Тани, что плюс к тому, что у меня ужасное имя Бася, из-за которого все надо мной смеялись и обзывали, я еще и еврейка и меня все теперь будут обзывать жидовкой тоже. Жидовкой меня редко обзывали, так как моё лицо не соответствовало общепринятым стандартам лиц еврейской национальности (В, 2022, интервью).

В небольшом отрывке местоимение „я” и его различные формы употребляется 10 раз. Это эмоциональный повтор, который акцентирует противопоставление другим детям – „я не такая как все”. В приведенном примере очень важным становится упоминание именно слова „жидовка” – еврейским детям знакомое, что свидетельствует о фигурировании этнонима в речевом пространстве. И скорее всего это было услышанное обращение. Дети, маленькие дети им пользовались, о чем свидетельствует несколько воспоминаний, связанных с осознанием принадлежности к еврейству, пришедшим раньше (в детском саду), и во всех возникает ключевой повтор местоимения „я”:

И вот я прихожу из садика и рассказываю что-то там бабушке (такой настоящей идиш-бабушке), и кроме всего про этого толстого мальчика „А вот этот жид...”. Помню, как меня шокировал бабушкин ответ: „А ты самая такая – жидовка” (Е, 2022, интервью).

Меня с детства приучили к тому, что я еврей. Но я узнал, что есть слово „жид” где-то в классе 8-м (М, 2022, интервью).

Характерно, что в смешанных семьях, переехавших в Латвию в более позднее время (70-е годы), вопрос еврейской идентичности не поднимается вообще. В противоположность тому, что в семьях, сохраняющих традицию, дети знали о своей национальности априори, поэтому для них вспомнить момент осознания идентичности оказывается проблематичным.

При обязательном учете советской идеологии интернационализма, тем не менее не следует забывать о специфике детской и подростковой психологии. Определенный возрастной период связан с желанием ребенка принадлежать, быть частью какого-то коллектива, разумеется, своих сверстников, и в этом случае выделение по какому-то признаку (я еврей) воспринимается как своего рода угроза выпадения из этого коллективного сознания. Абрахам Харальд Маслоу, выстраивая иерархию потребностей, выделяет потребность в любви и принадлежности к группе (Maslow). Именно поэтому можно проследить определенное стремление скрывать еврейство, если была такая возможность:

В какой-то момент, мне было 7 или 8 лет, я пошел в школу, я такой решил, нет, евреем я не буду, ну такой, там у меня в классе белорусы, украинцы и русские, и типа я такой еврей, зачем мне это надо и я решил буду белорусом, у меня бабушка из Белоруссии (G, 2022, интервью).

То же самое наблюдается и в более сознательном возрасте. Например, в выпускном классе ученица прятала от одноклассников свидетельство о рождении (его приходилось брать с собой для оформления аттестата), поскольку в нем была записана национальность отца (запись биометрических данных в журнале была по матери).

Антиеврейские выступления в школе не являются доминирующими в воспоминаниях информантов. Но тем не менее редкие или единичные случаи достаточно четко зафиксировались в памяти: респонденты помнят имена, социальный статус, характеристики обидчиков, в нюансах и деталях (вплоть до визуализации) воспроизводят ситуацию. Объединяющим началом становится тот факт, что в подавляющем большинстве случаев носители антисемитских выпадов (за исключением ряда ситуаций с упоминанием кровавого навета, составляющего отдельную мифологию) были из неблагополучных семей, семей с низким социальным и экономическим статусом, без образования. Исключением является рассказ о том, когда именно хулиган поддержал еврея во время нападков одноклассников, он и стал своего рода импульсом к развитию самозащиты и отстаиванию своей позиции.

Если следовать воспоминаниям, то свидетельств ярко выраженного антисемитизма в школьной среде не было, тем не менее ощущение дискомфорта („все-таки я не чувствовал себя комфортно как еврей”) упоминается постоянно. Респонденты употребляют слова, обозначающие эмоциональное состояние: неприятно, некомфортно, страшно. В коллекции есть рассказ, в котором воспроизводится ярко отпечатавшееся воспоминание, когда девочки в спортивной раздевалке школы (знаковое место интимных разговоров) начинают рассказывать о том, что весной евреи ловят детей, убивают их и сливают их кровь. Впечатление от услышанного оказалось настолько сильным, что страх быть идентифицированной как еврейка сохраняется до конца школы (разговор происходит в 5–6-м классе). В пространстве Латгалии складывается специфическая мифология кровавого навета (Amosova). Обилие и разнообразие нарративов, в которых рассказывается об употреблении евреями крови и добавлении ее в мацу, связано с мультикультурной средой Латгалии и, в частности, Даугавпилса. Рассказывая мифологию кровавого навета, респонденты не пользуются самим сочетанием „кровавый навет”, которое звучит в вопросе. Но слово „кровь” повторяется многократно и сопровождается негативными невербальными знаками эмоционального плана. Нарративы о кровавом навете строятся по модели текстов школьного фольклора. Неслучайно большинство респондентов (29) узнают о кровавом навете именно в школьной среде. Далее следует уточнение информации дома. Есть редкие случаи детской попытки логически осмыслить услышанное:

Сомнения, а вдруг маца с кровью, а мы ее едим, возникали, но очень вторично. Возник вопрос, а откуда христианские дети, если все пионеры (G, 2022, интервью).

В собранных интервью есть многочисленные констатации „уличного антисемитизма”. И чаще всего поводом оказывается „неславянская внешность”, на которую обращают внимание, причем без видимых причин (т. е. нет какого-то действия и противодействия). Чаще всего это спонтанные окрики, обзывания: „если кто-то отличался от славянской внешности – цыгане, евреи – на это обращали внимание, это я чувствовал” (U, 2022, интервью). Источником таких антисемитских высказываний в основном являются соседи, посторонние люди на улице, реже представители какой-то сферы деятельности. „У него (преподавателя) половина жизненных историй, которые он рассказывал на занятиях, стояла из того, как ему мешают жить эти евреи” (M, 2022, интервью).

И вот так мы все жили и была жуткая бойня, так как в этом же доме жили жуткие антисемиты и нас там сильно гнобили. (Смеется). И однажды мой папа не выдержал, и я не знаю, может, это не по теме, но он схватил эту тетку за шею. Там такое делалось. Например, стирать белье – это целый день, и этот дядя ненавидя всех евреев этого города (смеется), он в эту ванну мог чихнуть, харкнуть, короче всякую хрень сделать, и они все время ругались и однажды папа, может, он был поддатый, схватил ее за шею, и был суд, и ему присудили 10 рублей штрафа, они нас все время гнобили, мама все время плакала, это я точно помню (F, 2022, интервью).

В приведенном отрывке рассказанные события вызывают у респондента ироничное отношение (рассказ несколько раз сопровождается смехом). Это может быть объяснено как временной дистанцией (пугающее превращается в комическое), так и основной идеей победы добра над злом.

Отдельный тематический блок нарратива о школе составляют рассказы об учителях-евреях. О национальности учителей-евреев дети тоже знают, и в еврейской среде эти знания идут через семью, где вопросы высокой квалификации учителей проговариваются. Наличие в школе учителей евреев становится своего рода знаком качества в культурном пространстве города. Об учителях евреев говорят в своих воспоминаниях и респонденты, участвующие в перекрестном интервью (одноклассники-неевреи). Негативная оценка национальности (с употреблением этнонима „жидовка”) возникает в случае личной обиды или неудачи. В самой среде учителей-евреев складывается традиция русификации имен и особенно отчеств (Козриеловна – Николаевна, Мордуховна – Михайловна, Гирш – Григорий и т. д.). При этом у учеников-евреев никакого ощущения этнической общности не возникает. Фактически все говорят о том, что никакого особого отношения не было. Исключение составляет один случай:

И Мира Лазаревна (учитель английского) взяла меня однажды под ручку и сказала: Лена, вы понимаете, какой вы национальности? Чтобы вам чего-то достичь, вам надо в десять раз больше знать, в десять раз больше уметь, чтобы куда-то пробиться в нашей стране. Вы не поступите в институт, потому что вы просто знаете. Вы должны быть на голову выше. Я была этим шокирована (L, 2022, интервью).

Ввиду достаточной табуированности темы в общественном пространстве локусом сохранения еврейства становится дом. В этом наблюдается общая для еврейства СССР тенденция, о чем пишется в целом ряде исследований. Начиная с 1960-х годов точкой существования еврейской идентичности становится семья. Семья становится своего рода местом существования еврейства (Kantor). Это возможность реализоваться в пределах своей идентичности.

Разумеется, соблюдение еврейской традиции в семье зависит от желания членов этой семьи сохранять свою еврейскую идентичность. Ожидаемо, что в смешанных семьях это желание минимизируется. Но и в еврейских семьях традиция поддерживалась на фоне учета целого ряда социальных запретов. По рассказам респондентов можно судить о разном уровне заинтересованности в сохранении национальной традиции.

Дома – да, мы опасались... Еврейские традиции – ну очень, очень минимально, потому что семья была нерелигиозная. С едой – нет ограничения, а ну эта народная традиция – тейглых там, бабушка делала, рыба там, форшмак. У нас была абсолютно советская семья (L, 2022, интервью).

Советскость (артикулированная даже в воспоминаниях) становится знаковым понятием, для кого-то это был сверху спущенный порядок, который принимался, для кого-то – порядок, с которым надо было уживаться и совмещать традицию. Но ни в одном интервью не звучит открытый негатив, направленный на советское. Это скорее естественный фон существования. При этом совершенно знаково в нарративах о советскости и в целом в нарративах, повествующих о семье, употребляется местоимение „мы” как проявление принадлежности к некой общине. „Мы” часто противопоставлено „я”, как знаку одиночества, инаковости, вычеркнутости из детского социума.

В приведенном выше примере можно отметить одну важную лексическую особенность: при перечислении блюд еврейской кухни респондент начинает пользоваться специфическими словами на идиш. И это является общей тенденцией всех нарративов. В существовавшей в советское время модели еврейской культуры стол и гастрономический код занимает особое место, что находит отражение и в языковой картине мира. Именно посредством гастрономического кода в воспоминаниях воссоздается особый

мир. Этой проблеме в рамках проведенного исследования была посвящена отдельная статья (см. Vasiljeva, Olehnovica, Isajeva). Мир еврейской семьи становится отдельным миром, отличающимся от мира внешнего. Еврейская кухня являет собой универсальный и всеобъемлющий код. Даже те, кто не соблюдает закон, еврейскую традицию и даже кашрут, акцентируют внимание на традиционных еврейских блюдах, процессе их приготовления, присутствии на праздничном столе. Поколение родителей сталкивается с проблемой определения своего отношения к еврейской традиции, но и они знают и готовят блюда еврейской кухни.

Мой дедушка Эхем соблюдал праздники и хорошо готовил. Я этого всего не знаю, но я все праздники ощущала по кухне. О праздниках узнавала по еде. Но мы никогда не молились и т. д. Фаршированная рыба, цимус, форшмак, из хрена какая-то хрень. Дед пек замечательные булочки в разной форме (L, 2022, интервью).

Медиаторами информации о еврейской традиции являются представители старшего поколения (бабушки, реже – дедушки). Причем именно бабушке отводится функция хранительницы традиции (праздники, кухня, выбор невесты). Дедушка же в свою очередь становится своего рода мифологическим образом, наделённым функцией направленного действия – он работал, рассказывал истории, водил по разным местам. Для среднего поколения (родителей) традиционная составляющая культуры существовала, но опосредованно: традиции соблюдались, но не в плане сохранения и осознанной передачи из поколения в поколение, а скорее воспринимались как должное.

Хорошо помню: мы едем к бабушке. А я спрашиваю: а зачем мы едем к бабушке Броне? Мама говорит: Новый год едем встречать. Я говорю, какой Новый год, сентябрь, типа, ёлки нет (G, 2022, интервью).

Но все, что я в детстве узнала о евреях, их традициях и быте, я узнала от бабушки. Мои родители, кажется, просто боялись об этом говорить (S, 2022, интервью).

Следование еврейской традиции, соблюдение правил и празднование праздников не является обязательным, во всяком случае в детских воспоминаниях не складывается системы календаря (Vasiljeva, Olehnovica, Semenesa), а есть отдельные яркие моменты: принесенная на Песах маца, бабушка, которая не ест целый день (Йом Кипур). Есть рассказы о том, как мама и папа, оба евреи, выбирают странный компромисс в отношении старшего сына: мама категорически не соглашается делать мальчику обрезание (из-за гигиенических предосторожностей), но соглашается не стричь до 3-х лет, в результате чего в памяти остались эпизоды (правда, уже касающиеся младших братьев, поскольку с ними повторилась та же ситуация), когда

мальчиков называют девочками, и это сердило информанта в детстве: у меня не сестричка, а брат! Совершенно уникальной с точки зрения советского контекста является история с празднованием Бар-мицвы:

Я один из немногих в те года, кому сделали Бар-мицву. Это было шикарно. Во-первых, это был 83 год... Собрали кучу людей, а у них [еврейские соседи] был большой-большой зал. Я помню отлично, что вдоль стены стояли вот так вот столы. Ну, бабушка моя хорошо готовила, причем на все еврейские свадьбы. Соответственно стол у нас был богатый. Я помню, что там даже был оркестр. В оркестре был Иоффе, который играл на тромбоне, там был Яша, который играл на барабанах, и Сморгон, по-моему, так его фамилия, который играл на аккордеоне. Вот это был ансамбль, я это хорошо помню. Даже больше того, я помню, что мне подарили часы, я помню свою речь, которую я говорил на идише. Я заучил это, ходил так гордо с часами, что мне их подарили (А, 2022, интервью).

Нарратив представляет собой лексическое оформление визуальных образов, сохранившихся в памяти: описание предметов, точное перечисление фамилий, употребление прилагательных. Факт, исключительный с точки зрения антирелигиозной пропаганды, становится одновременно исключительным фактом личных воспоминаний.

Наиболее интересным является вопрос, связанный с отношением к Израилю. Совершенно логичной оказывается ситуация, когда в семьях, которые еврейскую традицию сохраняли и от еврейской идентичности не отказывались, тема Израиля присутствует как ведущая. Но она оказывается обязательной и в тех семьях, где традиция минимизировалась, причем часто минимизировалась именно по идеологически мотивам („мы были советская семья”, „отец был коммунистом”). Собственно, проговаривалась самая запрещенная и в этом плане самая опасная тема. Понятен интерес и своего рода раскрепощение во второй половине 80-х (когда меняется официальное отношение к Израилю в СССР). Но тема проговаривается и раньше, о чем свидетельствует лексическая формула „а потом”, т. е. со второй половины 80-х эти разговоры стали более открытыми.

Запретная тема Израиля запечатлелась в детских воспоминаниях в форме яркого предметного мира – цветные фотографии, посылки с красивыми вещами, жвачки в красочных упаковках. Позитивное отношение к Израилю строилось как отношение к миру красивых необычных вещей. Но одновременно действовала и определенная система табу. Во многих воспоминаниях описывается целый алгоритм получения этих посылок. Кто-то забирает их в синагоге. Кто-то получает их через знакомых: бабушка не может получать письма и посылки от подруги на свой адрес, потому что сын и невестка – учителя и коммунисты, посылки приходили на адрес знакомой, которая брала деньги за передачу писем, а посылки открывала, выбирала часть вещей,

а остальное предлагала бабушке выкупить за деньги. Есть совершенно оригинальное, но одновременно демонстрирующее ситуацию идеологического давления, воспоминание:

И уже в 70-е годы она хотела повидаться с оставшимися родственниками. Она жила в кибуце. Ей купили тур Финляндия и там бла-бла-бла и Санкт-Петербург – Рига, таким образом. Как в кино. Все собрались и пошли встречаться. Сама встреча была минут пять. Дяди в костюмах вокруг. Это все мне рассказывала моя тетя Ида, она хорошо это запомнила. Было лето и жара, и вдруг появляется эта Лия в шубе и в сапогах. А это был единственный способ привезти подарки. Она все это сняла и подарила. Все было запрещено, только маленькая сумочка, и все (L, 2022, интервью).

Тема репатриации не обсуждалась, но присутствовала в разной мере: „Этот вызов, зеленая бумажка всегда лежала в документах. Но с детьми этого никогда не обсуждали... Понимание, что можно рассказать вовне” (A, 2022, интервью).

Упомянуты и личные переживания из-за негативного отношения к Израилю в СССР и советской прессе. Появлялось некое соотношение себя со „страной-агрессором”.

Прикинь, это школьные годы. СССР разрывает отношения с Израилем, начинается массовый отток евреев, их называют изменщиками. Антисемитизм витает в воздухе. Какие плохие евреи и т. д., и ты понимаешь, что ты к этому имеешь некоторое отношение (B, 2022, интервью).

Я помню собрание в школе комсомольско-пионерское какое-то, где девочку Авиву откуда-то исключали, так как ее родители подали заявление на отъезд. И ей досталось, обвинили чуть ли в измене родине. И я в слезах прибежала домой и умоляла родителей, чтобы мы никуда не уезжали. Хотя родители, и так никуда не собирались (L, 2022, интервью).

Иногда в воспоминаниях возникает некое недоверие прессе, поскольку у многих все-таки складывался положительный образ Израиля.

Однажды случился прокол. На политинформации учительница рассказывала о том, что мы буферная зона. Стало жалко, что, когда весь мир станет советским у меня, пропадет возможность получать жвачки из Израиля, и прям вот эту логику развил. Я задал вопрос в этом классе на политинформации: а что будет, если Афганистан станет социалистическим и тогда весь мир станет советским? (G, 2022, интервью).

При всей проблемности национального самосознания в СССР, фактически все респонденты (включая и представителей смешанных семей) говорят о своем притии еврейской (иногда частично) идентичности в более зрелом возрасте и в качестве причины называют сменившийся идеологический фон.

Это не относится к тем, для кого вопрос принадлежности к еврейской культуре никогда не ставился под сомнение (на данный момент это граждане Израиля). При этом у всех фиксируется желание передать культурную информацию своим детям. Респонденты свидетельствуют о том, что их дети (многие из которых уже на четверть евреи) в более раннем или уже сознательном возрасте начинают интересоваться еврейской культурой. Есть единичные случаи, когда семья полностью следует еврейской традиции и дети воспитываются в рамках умеренного иудаизма.

Я воспитала сына с осознанием того, что он еврей и он гордится этим. Но при этом у нас совершенно светская семья и я никогда не говорила сыну, что жениться он должен только на еврейке (это то, что мне объясняли, когда я выросла) (В, 2022, интервью).

Выводы

1. Сохранение и формирование еврейской идентичности развивается по нескольким моделям, но определяющую роль в освоении знаний о культуре и традиции играют родители (их отношение к иудаизму, традиции, секулярному еврейству). Если старшее поколение является хранителями традиции, среднее поколение (родители) выполняет своеобразную роль фильтра: включение родителей в традицию определяет и включение детей, невозможность по различным (чаще всего идеологическим) причинам эту традицию артикулировать определяет отстраненность от этой традиции детей.
2. Существует ряд внешних факторов, которые влияют на отказ или минимализацию следования традиции. Прежде всего это советская идеология интернационализма и атеизма. Обе эти идеологические составляющие максимально сжимают поле существования еврейской культурной модели, поскольку именно религиозный фактор играет определяющую роль. Система советских запретов и табу влияет на отношение детей к своей еврейской идентичности. В целом ряде случаев система запретов формирует настороженное отношение к возможной реакции окружающих: даже если антисемитизм открыто не проявляется, присутствует ожидание неприятия и, как следствие, желание скрыть еврейские корни (особенно в случае смешанных семей).
3. Специфическая политическая, культурная и лингвистическая ситуация определяет интерференцию разных типов идентичности. Даже в разных моделях еврейской идентичности (еврейская, смешанная, секулярная) респонденты демонстрируют гибридность идентичности. И языковая ситуация (русский язык как родной) закрепляет эту гибридность.

4. Осознание еврейской идентичности (полной или частичной/смешанной) у поколения 70-80-х приходит в более позднем возрасте (после 20 лет), чему безусловно способствует изменение социокультурной ситуации в Латвии. Присутствует стремление передать культурную модель последующим поколениям, при это оставляя за ними право выбора.
5. Открытость в разговоре о прошлом, благодарность за возможность выговориться и вспомнить, что свидетельствует о тенденции сохранения исторической памяти.

References

- Amosova, Svetlana. „Legendy o krovī, medicīniskie navēty: stārye i novye sūžety krovavogo naveta v Latgaliī // Ētnogrāfi”. *Ētnogrāfičeskoe obozrenie*, 3, 2018, s. 38–52.
- Benor, Sarah Bunin. „On Jewish languages, names and distinctiveness”. *Jewish Quarterly Review*, 106 (4), 2016, s. 440–449.
- Braun, Viginia, Victoria Clarke. „Using thematic analysis in psychology”. *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2), 2006, s. 77–101.
- Burgess, Robert G., ed. *Field research. A sourcebook and field manual*. London, Routledge, 1982.
- Estraikh, Gennady. *Jews in the Soviet Union: A history: After Stalin, 1953–1967*. New York, New York University Press, 2022.
- Fedorov, Fedor. *Ētūd o Dvinske*. Daugavpils Universitāte, Humanitāro zinātņu vēstnesis, 2007, s. 88–97.
- Kantor, Aleksandr. *Sovetskie evrei: psihoanalitičeskij očerk*. 21.10.2020. Web. 17.07.2022. <https://lechaim.ru/>.
- Maslow, Abraham Harold. *Motivation and personality*. New York, Harper & Row, 1970.
- Mieroop, Dorien Van De. *Discourse analytic approaches to language and identity*. Oxford, Oxford University Press, 2022.
- Mlynář, Jakub. „How is oral history possible? On linguistically universal and topically specific knowledge”. *The Oral History Review*, 49 (1), 2022, s. 116–132.
- Murray, Michael. „Narrative psychology and narrative analysis”. *Qualitative research in psychology*. Eds. P.M. Camic, J.E. Rhodes, L. Yardley. Washington DC, American Psychological Association, 2003, s. 95–112.
- Niang, Amy. „Narrating identity: Oral tradition between master account and marginal histories”. *Oral history: Migration and local identities*. Eds. Ieva Garda Rozenberga, Mara Zirnīte. Riga, University of Latvia, 2011, s. 105–120.
- Nosenko-Štejn, Elena. „V poiskah samosti: Izučenie evrejskoj identičnosti”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 127, 2014, s. 71–95.
- Ūhnēva, Natal'ā. „Russkie evrei kak novyj subētnos”. *Ab Imperio*, 2003, s. 475–496.
- Vasiljeva, Elina, Ilze Olehnovica, Elvira Isajeva. „Gastronomic code of Latgale Jews in the 1970s–1990s”. *Culture Crossroads*, 26, 2024, s. 19–31.
- Vasiljeva, Elina, Ilze Olehnovica, Jelena Semeneca. „Calendar holidays of Jews in Daugavpils in the late Soviet and early independence periods”. *Jewish Culture and History*, 26, 2025, s. 279–290.
- Volkovich, Boris. *From Jewish culture history in Latvia (1918–1940)*. Daugavpils, Saule, 2002.

